

Бібліографическая замѣтка.

Гансъ Корнеліусъ. Введеніе въ философію. Пер. съ нѣмeci. Г. А. Котляра, подѣ ред. и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге. М. 1905, стр. XV + 312, ц. 2 р. (— Einleitung in die Philosophie von Hans Cornelius. Lpz. 1903).

Какихъ только книгъ не издають подѣ крайне неопредѣленнымъ заглавіемъ „Введеніе въ философію“: „четыре наиболѣ выдающіяся сочиненія, вышедшія за послѣднія десять лѣтъ подѣ этимъ названіемъ,—говоритъ проф. Ланге въ своемъ предисловіи къ русскому переводу книги Корнеліуса,—и принадлежащія Паульсену, Вундту, Кюльпе и Корнеліусу, каждое имѣетъ свой особый характеръ: Паульсенъ излагаетъ главнымъ образомъ свою метафизическую систему, Вундтъ даетъ краткую и критически освѣщенную исторію философіи, Кюльпе—систематическій перечень философскихъ проблемъ и ихъ разнообразныхъ рѣшеній. Корнеліусъ же видитъ сущность философіи въ теоріи познанія, и его введеніе есть именно изложеніе основъ этой теоріи“.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ теоріей познанія. По своему характеру она принадлежитъ къ тому философскому направленію, которое извѣстно подѣ именемъ *чистаго эмпиризма* (см. объ этомъ направленіи въ статьѣ „Къ характеристикѣ современнаго эмпиризма“—„Труды Киевской дух. Академіи“, 1904, №№ 1 и 3). По словамъ Корнеліуса, онъ поставилъ себѣ въ качествѣ главной цѣли „освобожденіе

ніе нашего мышленія отъ всякаго *догматизма* посредствомъ сведенія всѣхъ понятій къ тому опытному матеріалу, которому они обязаны своимъ существованіемъ и своимъ содержаніемъ, и посредствомъ устраненія всѣхъ тѣхъ предположеній, которыя не могутъ быть сведены къ фактамъ, даннымъ чисто-опытнымъ путемъ“ (St. VI). Въ результатъ изслѣдованія получается такое представленіе о мірѣ (Weltbild), которое существеннымъ образомъ отличается какъ отъ того, которое авторъ называетъ „естественнымъ міропредставленіемъ“ („das natürliche Weltbild“), такъ и отъ того, которое дается „механическимъ естествознаніемъ“. Естественное міропредставленіе является „результатомъ до-научнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ исходнымъ пунктомъ научнаго мышленія“ (St. 16). Пестрый міръ болѣе или менѣе устойчивыхъ вещей, обладающихъ разнообразными свойствами, о которыхъ намъ говорятъ наши чувства, и расположенныхъ въ различныхъ пунктахъ безпредѣльнаго пространства; среди этого міра, представляющагося намъ, несмотря на свою сложность и свое разнообразіе, единымъ цѣлымъ,—я самъ, какъ часть этого цѣлаго и—вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ нѣчто ему противоположное; въ частности и прежде всего—мое „тѣлесное я“ („körperliche Ich“), какъ а) посредникъ между міромъ вещей и областью нашего сознанія, нашего „духовнаго я“ („geistiges Ich“), и б) какъ орудіе, посредствомъ котораго наше сознаніе проявляетъ свою активность; окружающіе меня сочеловѣки, отъ которыхъ я получаю словесныя формы для выраженія понятій, первоначальныя нормы, лежащія въ основѣ нашихъ тимологическихъ сужденій (Werthurtheile) и направляющія нашу волю и нашу дѣятельность,—наконецъ, религійныя представленія, освящающія собою наше настроеніе,—таково, въ своихъ существенныхъ чертахъ, хорошо знакомое всѣмъ намъ естественное (обычное) представленіе о мірѣ (см. § 3). Оно удовлетворяетъ насъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ дѣло съ повседневными явленіями. Сбѣить намъ натолкнуться на

новыя, непривычныя явленія, чтобы въ нашемъ сознаніи проснулась потребность въ такомъ объясненіи, которое удовлетворяло бы стремленію къ объединенію всего разъединеннаго (St. 25=русск. пер., стр. 26). Корнелиусъ различаетъ два типа объясненія явленій, данныхъ въ опытѣ: научное и ненаучное. *Научное* объясненіе, представляя собою не что иное, какъ „обобщеніе сдѣланныхъ наблюденій посредствомъ простого выраженія, которое воспроизводитъ характеристическіе признаки этихъ наблюденій“, не выходитъ за предѣлы опыта,—оно носитъ, слѣдовательно, *эмпирическій* характеръ. Иное дѣло—*ненаучное* объясненіе: оно отличается *догматическимъ* характеромъ, потому что опирается въ концѣ концовъ на такія предпосылки, которыя, какъ не доказанныя и недоказуемыя опытнымъ путемъ, должны быть приняты на вѣру. Исторія показываетъ, что философское мышленіе развивается въ направленіи отъ догматизма къ эмпиризму (§ 5). На этомъ пути оно создаетъ то міропредставленіе, которое дается механическимъ естествознаніемъ. Неизмѣнною основой мірового цѣлаго служатъ основныя вещества, или элементы, изъ коихъ каждый представляетъ собою совокупность мельчайшихъ частицъ, находящихся другъ подле друга; свойства вещей зависятъ отъ природы частицъ, ихъ группировки и характера ихъ движенія; между этими частицами (—атомами) находится міровой эфиръ; простирающійся по всему міровому пространству, не подлежащій закону тяготѣнія и потому не оказывающій никакого сопротивленія движеніямъ вѣсомыхъ массъ, онъ однако имѣетъ то свойство, что измѣненія его электро-магнитнаго состоянія распространяются волнообразно съ величайшею скоростію; къ такого рода движеніямъ сводятся процессы лучистаго распространенія свѣта и теплоты; изъ законовъ, опредѣляющихъ всѣ процессы, происходящіе въ мірѣ атомовъ и эфира, особенно важны два: 1) законъ сохраненія энергіи и 2) законъ разсѣянія энергіи; процессы, происходящіе въ живомъ орга-

низмѣ, регулируются тѣми же самыми законами, какіе дѣйствуютъ въ неорганической природѣ. Таковы главные пункты того представленія о мірѣ, какое дается современнымъ естествознаніемъ (§ 14).

Гипотетическія понятія, выступающія въ только-что указанномъ представленіи о мірѣ, могутъ быть истолкованы двояко: или въ *метафизическомъ* смыслѣ, какъ выраженіе бытія въ его подлинной сущности (это—точка зрѣнія материализма), или же въ чисто *эмпиристическомъ* смыслѣ, какъ *образы*, примѣняемые при обобщающемъ изображеніи фактовъ, данныхъ въ опытѣ. Только послѣдняя точка зрѣнія, защищаемая такими знаменитыми естествоиспытателями, какъ *Кирхгофъ* и *Махъ*, можетъ быть признана, по Корнелиусу, свободной отъ догматизма и, слѣд., не противорѣчащей требованіямъ научнаго объясненія явленій. Значитъ, тѣ понятія, которыми пользуется механическое естествознание, представляютъ собою не принципъ, а—скорѣе—вспомогательные приемы объясненія (§ 15), а потому построенное на нихъ механическое міросозерцаніе не можетъ быть признано вполне удовлетворяющимъ идеалу научнаго объясненія: только тогда, когда всѣ понятія, служащія для объясненія явленій, мы сведемъ къ тѣмъ фактическимъ даннымъ, обобщающимъ обозначеніемъ которыхъ они служатъ,—только тогда мы получимъ такое представленіе о мірѣ, которое соответствуетъ точкѣ зрѣнія чистаго эмпиризма. Корнелиусъ характеризуетъ это представленіе въ 32-мъ параграфѣ своей книги, представляющемъ собою résumé его гносеологіи. „Мы находимъ себя,—говоритъ Корнелиусъ,—въ пространственно безграничной природѣ: насъ окружаютъ отчасти безжизненные предметы этого пространственнаго міра, отчасти его живые обитатели, которые организованы до нѣкоторой степени подобно намъ“; „но изъ всей совокупности этого бытія намъ непосредственно даны лишь наши *переживанія*, протекающія во времени, непрерывно измѣняющіяся явленія нашей психи-

ческой жизни“; они находятся во *внутренней связи* между собою, „безъ которой самая ихъ смѣна не могла бы существовать, равно какъ не могла бы быть познана и мыслима нами“; „изъ этой внутренней связи“, объединяющей состоянія нашего сознанія, „возникаетъ тотъ логическій порядокъ (die begriffliche Ordnung), въ который мы приводимъ совокупность нашихъ переживаній и благодаря которому хаосъ нашихъ переживаній превращается въ единое цѣлое нашего опыта“; логическое упорядоченіе разнообразныхъ переживаній состоитъ, съ одной стороны, въ группировкѣ этихъ переживаній на основаніи сходства между ними, съ другой стороны—въ умѣннѣ отыскивать среди самаго разнороднаго постоянныя закономѣрныя связи,—такъ получаются у насъ, съ одн. стр., понятія устойчиво существующихъ вещей. съ другой—понятія пребывающихъ свойствъ нашего духовнаго бытія; принципами логическаго упорядоченія нашихъ переживаній служатъ логическія аксіомы (въ особенности требованіе тождества нашихъ понятій), формы созерцанія (время, единство, множество и число, количественныя и качественныя отношенія между явленіями),—наконецъ, понятія, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ механизму нашихъ опытныхъ сужденій (таковы—понятіе устойчиваго предмета съ постоянными свойствами, пространственныя отношенія, касающіяся формъ и положенія предметовъ,—законъ, опредѣляющій подведеніе каждаго новаго явленія подъ постоянныя связи). При этомъ необходимо имѣть въ виду, что „всѣ наши формулы, въ которыхъ мы обобщаемъ закономѣрныя отношенія между явленіями природы, представляютъ собою, съ точки зрѣнія чистаго эмпиризма, не что иное, какъ выраженіе связи разнообразнѣйшихъ явленій нашего чувственнаго воспріятія, которыя находятъ въ этихъ самыхъ законахъ наиболѣе простое и общее изображеніе“. Въ этомъ—и только въ этомъ—заключается значеніе общихъ понятій и формулъ. „За предѣлы наблюдаемыхъ явленій и закономѣр-

ныхъ связей, въ которыхъ мы постигаемъ ихъ болѣе или менѣе значительную совокупность, наше *знаніе* не простирается: гдѣ оканчивается, съ одной стороны, наше наблюденіе явленій, съ другой—логическое обобщеніе ихъ въ формѣ неизмѣнныхъ законовъ, тамъ и научное познаніе имѣетъ свои границы“. Съ этой точки зрѣнія проблема воздѣйствія объективнаго міра на сознаніе, равно какъ вопросъ о познаніи этого объективнаго міра, теряютъ свое значеніе: коль скоро „понятіе объекта опредѣляется лишь закономерною связью явленій“, связь между этими явленіями и самымъ объектомъ, въ особенности пространственное существованіе въ вещахъ, *или* насъ, тѣхъ чувственныхъ качествъ, которыя воспринимаются въ нашемъ сознаніи, перестаетъ быть загадкой: она есть нѣчто данное и само собою понятное. вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется та пропасть между субъективными явленіями и объективными свойствами міра, которая, повидимому, дѣлала совершенно невозможнымъ познаніе вещей въ себѣ: „въ закономерной связи явленій непосредственно данъ отвѣтъ на вопросъ о свойствахъ этихъ вещей въ себѣ, о свойствахъ устойчиваго бытія въ мірѣ“. Такъ устраняются *лишняя проблемы* (Scheinprobleme), въ которыхъ неизбѣжно запутывается „натуралистическое“ (= естественное, обычное) міросозерцаніе. Впрочемъ, само это міросозерцаніе тѣмъ самымъ не разрушается окончательно: оно лишь освобождается отъ заключающихся въ немъ неясностей.

Самъ Корнеліусъ замѣчаетъ, что онъ въ значительной степени обязанъ своими взглядами знаменитымъ естествоиспытателямъ Кирхгофу, Герцу и въ особенности Маху. Дѣйствительно, взгляды Корнеліуса на задачу (свести всё понятія къ даннымъ опыта) и характеръ (сущность научнаго познанія въ упрощающемъ и обобщающемъ описаніи данныхъ нашего опыта) научнаго познанія роднятъ его съ Махомъ

(см. о Махѣ въ вышеупомянутой статьѣ „Къ характеристикѣ современнаго эмпиризма“), но своимъ утвержденіемъ, что „изъ всей совокупности бытія намъ *непосредственно* даны лишь наши переживанія“ (St. 324, cfr. St. 53), Корнелиусъ существенно отклоняется отъ Маха, рѣшительно высказывающагося противъ субъективнаго идеализма даже въ той преобразованной формѣ, какую онъ получилъ въ такъ называемой имманентной школѣ, и сближается съ представителями этой послѣдней. Важную особенность книги Корнелиуса составляетъ то, что онъ на ряду съ теоретическими проблемами рассматриваетъ также проблемы практическія

Изложеніе Корнелиуса отличается замѣчательною ясностью и отсутствіемъ аффектаціи: по справедливому замѣчанію профессора Ланге (см. Предисл.), „онъ устраняетъ всякую реторику, всякую попытку дѣйствовать на чувство читателя“; „онъ знаетъ, куда идетъ, и потому твердо и спокойно ведетъ за собою и читателя“. Куда—это мы уже знаемъ: Корнелиусъ хочетъ утвердить читателя на точкѣ зрѣнія чистаго эмпиризма, которая вызываетъ противъ себя рядъ принципиальныхъ возраженій, и прежде всего—выдерживаетъ ли Корнелиусъ строго эмпирическую точку зрѣнія до конца? Высказывая свои мысли ясно и опредѣленно, Корнелиусъ значительно облегчаетъ задачу критика. Тѣмъ не менѣе она не можетъ быть осуществлена въ узкихъ предѣлахъ библиографической замѣтки, а потому, не входя на этотъ разъ въ критическій разборъ взглядовъ Корнелиуса, скажемъ нѣсколько словъ о русскомъ переводѣ его книги.

Къ сожалѣнію, качества перевода далеко не соответствуютъ достоинствамъ переведенной книги, несмотря на то, что г. Котляръ не новичекъ въ дѣлѣ перевода философскихъ сочиненій съ нѣмецкаго на русскій (ему принадлежитъ переводъ сочиненія Гартмана „Современная психологія“, Рилля „Введеніе въ современную философію“, Оствальда „На-

туръ-философія“ *Гегфдинга*, „Философскія проблемы“). Отметимъ лишь нѣкоторыя изъ тѣхъ неправильностей и неточностей перевода, которыя намъ бросились въ глаза. На стр. 7-ой русскаго перевода читаемъ: „Я покажу, что источникъ философскихъ вопросовъ заключается вообще въ природѣ человѣческаго духа и что развитіе этого начала“ и т. д. Какого начала? выше нѣтъ рѣчи ни о какомъ началѣ. Раскрываю соответствующую страницу нѣмецкаго текста и убѣждаюсь, что тамъ говорится не объ источникѣ и не о началѣ, а о зародышѣ (*Keim*) философскихъ проблемъ и его развитіи. На стр. 12 (строка 7 сл.) словомъ „всѣми“—въ нарушение смысла—переведено нѣмецкое слово „*allgemein*“ (вообще). На стр. 13-ой „обычное“ (*hergebrachten*) содержаніе познанія именуется почему-то „достигнутымъ“. Выраженіе подлинника „*Zu einem einheitlichen Ganzen*“ переведено такъ: „къ одному единому цѣлому“ (стр. 14),—очевидно, переводчикъ не сумѣлъ отличить члена отъ числительнаго. „*Der Name Erkenntnistheorie bezeichnet die Bestrebungen, welche auf diese Vertiefung unserer Erklärungen abzielen*“ (=именемъ теоріи познанія обозначаются стремленія, которыя имѣютъ своею цѣлю это углубленіе нашихъ объясненій) переведено такъ: „Всѣ (?) исканія, цѣль которыхъ направлена на углубленіе нашихъ объясненій“ (почему не переведено важное для правильнаго пониманія даннаго мѣста мѣстоименіе *diese*?), могутъ быть объединены въ одно названіе теоріи познанія“ (стр. 15). „*Einem weiteren Klarheitsstreben*“ (St. 13—для *дальнѣйшаго* стремленія къ ясности) переведено почему-то „ни для *какого* стремленія къ ясности“ (15). Откуда взялось на той же страницѣ русскаго перевода въ той же точкѣ выраженіе „казались бы“—не знаю. На стр. 13-ой слово „*reicht*“ (=простирается) переведено „существуетъ“, а „*Bethätigung*“ (=осуществленіе)—„дѣятельность“! Въ слѣдующей точкѣ выраженіе „*die Summe*

dieser Vorbedingungen“ (=сумма этих предварительных условий) переведено: „сумма этих необходимых (?) условий“. Въ этой же точкѣ въ русскомъ переводѣ откуда-то взялось слово „даже“. На стр. 14-ой „jede solche Antwort“ переведено „для яснаго“ (откуда взялось это слово? почему не переведено jede?) „такого отвѣта“. Предложеніе „wir meinen eine Kenntniss von solcher Beständigkeit derselben mit grösster Gewissheit zu besitzen“ (St. 18), переведено такъ, что читателю, не имѣющему подъ руками нѣмецкаго текста, трудно будетъ уразумѣть мысль автора: „мы полагаемъ, что обладаемъ знаніемъ такого постоянства вещей и знаніемъ наибольшей достовѣрности“. „Gleich den übrigen Planeten“ переведено „между (?) прочими системами“ (?). На стр. 33 слово „Grund“ переводится словомъ „причина“, на стр. 77 выраженіе „eine körperliche Thätigkeit“—„физическая дѣятельность“, „nicht-Zeugnis ablegt“ (St. 77=не свидѣтельствуетъ, не говоритъ)—„не даютъ отчета“. Слово „Ueberlegung“ (стр. 79) едва ли удобно передавать словомъ „разсудокъ“, которымъ обыкновенно переводится нѣмецкое „Verstand“. „Die Wirkungen unserer Handlungen“ (St. 80=слѣдствія нашихъ дѣйствій) переведено „наши дѣйствія“; „die Mitleidsmoral“ (стр. 84)—„мораль страданія“. Откуда взялось „бы“ въ слѣд. фразѣ русскаго перевода: „никогда не былъ бы забываемъ идеаль мудреца“ (стр. 79)? На стр. 91-ой слово „Erzeugung“ передано словомъ „созданіе“, на стр. 117 слова „uns diese bunte, trügerische Welt der Erscheinungen vorzuspiegeln“ (=„морочить насъ этимъ“ и т. д.)—„отражать намъ“ и т. д. На стр. 325 слово „entspringt“ (возникаетъ) г. Котляръ переводитъ словомъ „соотвѣтствуетъ“!! Очевидно, онъ „entspringt“ смѣшалъ съ „entspricht“!! На слѣд. страницѣ слово „entstammenden“ (=происходящія) переведено словомъ „соотвѣтствующія“. Это уже явная небрежность.

Довольно, думается, и приведенныхъ примѣровъ, чтобы составить представленіе о г-нѣ Котлярѣ, какъ переводчикѣ. Насколько можно довѣрять его переводамъ, пусть судить читатель. Равнымъ образомъ ему предоставляемъ судить о томъ, какой характеръ носитъ редакторскій трудъ профессора Ланге. Не ограничился ли онъ разрѣшеніемъ напечатать на обложкѣ слова „подъ редакціей проф. Н. Н. Ланге“?

П. Кудрявецъ.